

Что значит быть образованным человеком

Речь на открытии Педагогического колледжа в Берне

Образование есть нечто такое, что люди предпринимают в отношении себя и для себя: человек сам себя «образует». Выучить нас могут и другие, но «образовать» себя мы можем лишь самостоятельно. И это не пустая игра слов. Образовать себя – совсем не то, что научиться чему-либо. Мы учимся с целью приобрести различные умения; работаем над своим образованием – чтобы чем-то стать, чтобы на свой собственный лад пребывать в мире. Как можно это описать.

Биери ПЕТЕР,

профессор Свободного ун-та (Берлин), руководитель кафедры филологии языка и аналитической философии. Один из зачинателей программы «Когнитивная деятельность и мозг» Немецкого исследовательского общества. Автор нескольких романов (под псевдонимом Паскаль Мерсье)

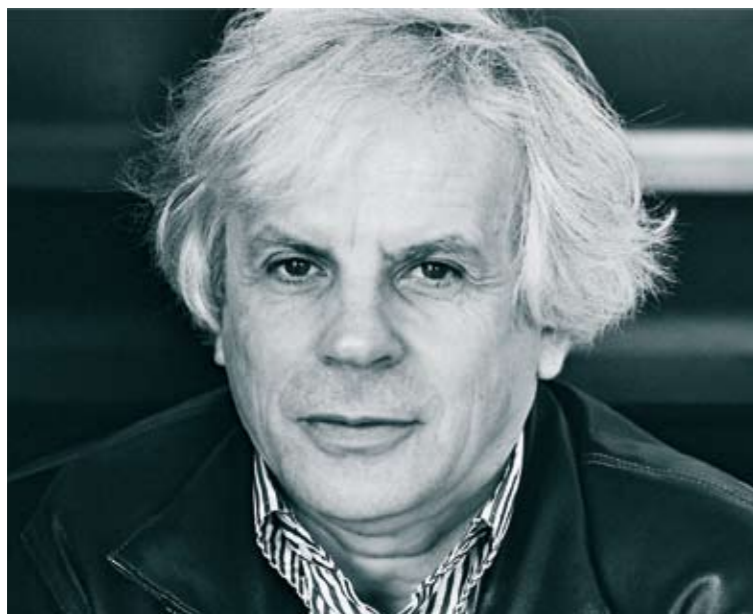
Образование как способность ориентироваться в мире

Образование начинается с любопытства. Убить в человеке любопытство значило бы лишить его самой возможности стать образованным. Любопытство – это неутолимое желание познавать мир, и мы можем обратить свой взгляд куда угодно: к звездному небу или вглубь вещества, к атомам и квантам; к бесконечному разнообразию окружающей природы или к поразительному строению человеческого организма; вспять к истории Вселенной, Земли, человеческого общества или в будущее, к тому, что будет происходить с нашими планетами, нашими формами жизни и нашими представлениями о са-

мих себе. Но о чем бы ни шла речь, мы всегда задаемся двумя вопросами: каковы факты и почему они именно таковы.

Материал, открывающийся для познания, необъятен и растет с каждым днем. Заниматься своим образованием – не значит лихорадочно хвататься за все подряд. Наилучшее решение состоит в том, чтобы в общих чертах набросать карту всего того, что подлежит познанию и пониманию, и научиться добывать знания о каждой отдельной области на этой карте. У образования, тем самым, есть два измерения: мы изучаем мир и то, как его изучать.

Здесь возникают два соображения, одинаково важные. Во-первых, надо иметь чувство пропорции. Чтобы быть образованным, совсем не обязательно знать точное число существующих на земле языков, достаточно представлять, что их количество ближе к 4 000, чем к 40. Китай – самая густонаселенная страна мира, но по площади – далеко не самая большая. Химические элементы не исчисляются сотнями, а скорость света не равна ни десяти, ни миллиону километров в секунду. Возраст Вселенной – это миллиарды, а не миллионы лет. Начало Средних веков не совпадает с рождением Христа, а Новое время началось не сто лет назад. Нужно уметь также правильно оценивать значение отдельных личностей и их достижений. Луи Пастер сыграл более значительную роль в истории человечества, чем Пеле, а изобретение книгопечатания и лампы накаливания имело более важные

«Новые Знания»

последствия, чем появление бритвенного станка или пилочки для ногтей.

Во-вторых, ориентироваться в мире нельзя без ощущения точности, т. е. представления о том, что есть точное знание или понимание предмета, идет ли речь о камнях или стихах, о болезни, о симфоническом произведении, о правовой системе, политическом движении или о какой-то игре. Каждый из нас может детально изучить лишь ничтожный фрагмент огромного мира. Но образование и не предполагает знания всего на свете. Образованный человек имеет представление о точности и сознает, что в различных областях знания она имеет совершенно разный смысл.

Образование как просвещение

Итак, образованный человек умеет ориентироваться в мире. Зачем это нужно – понятно: «Знание – сила». Однако нельзя сказать, что образование дает власть. Сила знания заключается в ином: оно предохраняет человека от участи жертвы. Того, кто разбирается что к чему, труднее обмануть. Он не даст сделать себя фишкой в чужой игре – политиков или, скажем, рекламодателей.

Однако ориентация в окружающем мире – это не единственный вид ориентации, предполагаемый образованием. Следует еще отдавать себе отчет в том, что есть знание и понимание и каковы их границы. Нужно постоянно задаваться вопросом: «Что, собственно, я знаю и понимаю?» Иначе говоря, наши знание и понимание требуют постоянной ревизии. Надо все время спрашивать себя: «Насколько обоснованы мои убеждения, Надежны ли доказательства. Не иллюзорны ли они? Какие аргументы корректны, а какие – не более чем словесные ухищрения». Знание, о котором мы сейчас говорим, – это знание второго порядка. Оно позволяет отличить поверхностных ученых от по-настоящему образованных; компетентных журналистов от легкомысленных, не знакомых с таким понятием, как критика источников. Подобное знание охраняет нас от суеверий. В каких ситуациях одно событие делает вероятным наступление другого. Что такое закономерность в отличие от случайного совпадения. Чем отличается истинное объяснение от ложного. На эти вопросы мы обязаны ответить, когда, взвешивая все «за» и «против», вырабатываем свое

отношение к прогнозам и предсказаниям, градом сыплющимся на нас со всех сторон. Человек, внимательный к подобным вещам, скептически относится не только к эзотерической литературе, но и ко всякого рода экономическим прогнозам, предвыборным обещаниям, психотерапевтическим манипуляциям, дерзновенным исследованиям человеческого мозга. Его раздражает птичий язык лженауки. Образованность – в таком понимании – позволяет отличить правильный ход мысли от пустой риторики. Это становится возможным потому, что у образованного человека входит в привычку постоянно задавать себе два вопроса: «Что конкретно имеется в виду?» и «Откуда мы знаем, что дело обстоит именно так?» Снова и снова спрашивая об этом, мы защищаем себя от навязчивой болтовни, промывки мозгов и всяческого сектантства; это обостряет наше восприятие действительности – в противовес слепому пристрастию к шаблонным мыслям и речам, модным поветриям и вопреки стадному инстинкту. Теперь нас никто не сможет провести или захватить врасплох: ни болтливые демагоги, ни учителя жизни, ни самовлюбленные журналисты. Это высокое благо можно назвать интеллектуальной неподкупностью.

Образование как историческое сознание

Просвещенное сознание образованного человека – это не только критическое сознание. Ему свойственно и такое качество, как историческая любознательность: как получилось, что мы думаем, говорим, чувствуем и живем именно так, а не иначе. Из подобного любопытства вырастает мысль, что все могло сложиться совершенно по-другому, так как нашей культуре чужда метафизическая неизбежность. Таким образом, просвещенное сознание – это еще и осознание исторической случайности, которое выражается в умении несколько дистанцироваться от собственной культуры, взглянуть на нее со стороны: иронически и шуточно. Речь не идет о том, чтобы не-

Чтобы быть образованным, совсем не обязательно знать точное число существующих на земле языков, достаточно представлять, что их количество ближе к 4 000, чем к 40. Китай – самая густонаселенная страна мира, но по площади – далеко не самая большая.

пременно поставить под сомнение наш собственный образ жизни. Нужно лишь отказаться от наивной и высокомерной мысли, будто именно наш жизненный уклад более всех остальных подобает человеку. Такая самоуверенность, составляющая суть имперской политики и миссионерства всех видов, – верный признак необразованности.

Историческое сознание испытывает потребность заново осмыслить культуру, в которой оно сформировалось в силу случайных обстоятельств. В первую очередь это относится к языку. Познать нашу – людей, принадлежащих к данной культуре, – историю значит прежде всего восстановить историю наших слов, поскольку человек – это говорящее животное и ничто точнее не определяет наше культурное своеобразие, чем слова, с помощью которых мы выражаем свое отношение к природе, к другим людям, к самим себе. Формы человеческой жизни отгиснуты конкретным языком, в слова которого облекается мировоззрение. Наше восприятие мира отражено в основных категориях, вокруг которых группируется язык. Как возникли эти категории, как они изменялись Первыми на ум приходят «дух», «душа», «сознание»,

Луи Пастер сыграл более значительную роль в истории человечества, чем Пеле, а изобретение книгопечатания и лампы накаливания имело более важные последствия, чем появление бритвенного станка или пилочки для ногтей.

«разум» – все то, что составляет исключительную принадлежность человека, его особое достоинство. История этих слов исполнена драматизма и весьма запутана, разобраться в ней – задача образованного человека. Схожая судьба у понятий «добро» и «зло», «вина» и «искупление», «уважение» и «достоинство», «свобода» и «справедливость». История слов показывает, как много неясных, отрывочных смыслов может таиться за простой звуковой оболочкой. Понятия «жестокость» и «страдание», «счастье» и «безмятежность» показывают, каким образом в многих словах может кристаллизироваться культурный автопортрет человека. Слова, выражающие чувства, показывают, какими видят себя представители данной культуры. Различные формы жизни, а заодно и отношение к ним зачастую находят выражение в чеканных метафорах, и человек лишь тогда по-настоящему становится частью культуры, когда он усваивает слова нежности, бранные и непристойные слова, когда узнает, какие табу существуют в данном языке.

Понимать культуру значит разбираться в ее моральных ценностях. Все мы вырастаем в среде с определенными нравственными принципами, требованиями и запретами. Мы впитываем их с воздухом родного дома и улицы, воспринимаем из фильмов и книг, которые потрясают и формируют нас. Все вместе это образует нашу нравственную личность, определяет наши нравственные реакции: возмущение, ненависть, муки совести. В начале жизни – и это говорит о серьезности и значимости морали – мы принимаем моральные принципы как некий абсолютизм, не допуская для них никакой альтернативы. Позднее, в процессе образования, мы осознаем, что в других странах, в других обществах и жизненных условиях люди имеют иное представление о добре и зле, что наши нравственные понятия содержат элемент случайного, что за пределами монотеистических религий такие категории, как, скажем, грех и смирение, теряют смысл, что месть не везде считается неприемлемой, что к страданию, смерти и счастью можно также относиться по-разному, что в некоторых культурах физические и моральные пороки искореняются немедленно, без мысли о том, что многое еще можно исправить и что впереди ждет еще один суд.

Для верующих людей образование может стать настоящим потрясением. Их повергает в шок, что миллиарды землян

не имеют истинной веры. И, конечно, очень тяжело признать очевидное: то, во что я верю, в какую церковь хожу, и даже мои моральные устои – всего лишь географическая и социальная случайность. Ведь сама суть религиозной веры несовместима с исторической случайностью, которая обесценивает веру, превращая религию в игральные культурных сил. Образование тем самым подрывает всякое мировоззрение как таковое. Оно приводит к осознанию условности всех установившихся форм жизни. Тоталитарные идеологии – и церковь в их числе – систематически подавляют этот аспект образования, отсюда – запреты на книги и путешествия. В исламе, например, отречение от религии карается смертной казнью. Образование разрушает метафизически-тоталитарную картину мира, религия для него – лишь одна из форм жизни, созданных людьми. Религия не содержит метафизической истины, она значима для идентификации личности, для решения вопроса, как мы хотим жить. Знакомство с другими религиями лишь на первый взгляд умаляет собственную веру, напротив, последняя может переживаться еще сильнее, коль скоро речь идет уже не о роковой предопределенности, а о нашем свободном выборе. Можно сказать, что человек становится взрослым, лишь когда постигнет и признает исторически случайный характер своей культурной и моральной идентификации. Я не могу в полной мере взять на себя ответственность за свою жизнь, пока подчиняюсь диктату внешней инстанции, определяющей, что я должен думать о любви и смерти, морали и счастье.

Осознание роли исторической случайности дает очень многое: мы начинаем постигать разнообразие государственных институций и правовых систем, но не только. Нам открывается несходство человеческих представлений об интимной сфере и о том, чего принято стыдиться, мы наблюдаем разное отношение к телу, разные формы этикета и человеческого достоинства; люди повсюду иначе отмечают праздники и одеваются, по-иному относятся к наркотикам, по-своему плачут, смеются и острят, веселятся, выражают нежность и горе, у разных народов свои погребальные обряды, свои поводы для обиды или презрения, своя еда; мужчины и женщины всюду по-разному флиртуют и сближаются. И так, быть образованным значит иметь представление о многогран-

Нельзя сказать, что образование дает власть. Сила знания заключается в ином: оно предохраняет человека от участи жертвы.

ности мира, уважать чужую культуру, отказаться от наивного чувства собственного превосходства.

Человек, в указанном понимании образованный, наделен особой формой любопытства: его интересует, что случилось бы, говори он на другом языке, вырасти в другое время, в другом месте и климатическом поясе. Что бы произошло, если бы он выбрал другую профессию или принадлежал к другому социальному слою. Такой человек испытывает постоянную потребность путешествовать, чтобы тем самым расширить границы своей личности. Образование пробуждает интерес к документалистике.

Выше я определил образование как способность ориентироваться в мире, просвещение, историческое мышление. Теперь я добавляю еще одно, наиболее мне близкое определение: человек может считаться образованным, если он глубоко и полно сознает великое многообразие форм жизни, выбираемых людьми.

Образование как способность к точному самовыражению

Образованный человек – обязательно читатель. Но книжным червем или всезнайкой быть недостаточно. Встречаются, как ни странно, необразованные ученые. Отличие образованного человека в том, что он умеет меняться под воздействием чтения. «Значит, гуманизм ни от чего не спасает» – спрашивал Альфред Андерш, имея в виду Генриха Гиммлера, родившегося в буржуазной гуманистически образованной семье. Ответ таков: гуманизм спасает только тех, кто не просто поглощает гуманистические произведения, но интимно их переживает, кто становится по прочтении другим человеком. Если человек рассматривает познание не как механическое накопление информации, приятное препровождение времени или путь к признанию в

Для верующих людей образование может стать настоящим потрясением. Их повергает в шок, что миллиарды землян не имеют истинной веры. И, конечно, очень тяжело признать очевидное: то, во что я верю, в какую церковь хожу, и даже мои моральные устои – всего лишь географическая и социальная случайность.

обществе, но как нечто способное изменить и расширить его личность, изменить поведение, – это верный признак образованности. Это касается не только текстов, значимых в моральном отношении. На образованного человека влияет и поэзия. И это отличает его от начитанного буржуа и обывателя.

Человек, читающий специальную литературу и пытающийся выработать собственное суждение по поводу конкретного предмета, приобщается к целому хору голосов. Он больше не одинок. Когда он читает Вольтера, Фрейда, Бульмана или Дарвина, в нем нечто совершается. После чтения он начинает видеть мир по-другому, рассуждать о нем более тонко, обнаруживать в нем новые взаимосвязи.

Читатель художественной литературы узнает нечто другое: как можно выразить свои мысли, желания и чувства. Он изучает язык души. Осознает, что одни и те же вещи можно воспринимать иначе, чем привык он сам. По-другому любить, по-другому ненавидеть. Он усваивает новые слова и метафоры, описывающие душевные состояния. Пополняя свой запас слов, обогащая палитру понятий, он учится более точно выражать свои переживания и тем самым – более тонко чувствовать.

Мы подошли к еще одному определению: образованный человек лучше, интереснее рассказывает о себе и о мире, чем тот, кто только и может, что повторять обрывки ярких фраз или афоризмов, когда-то им затверженных. Способность человека к точному самовыражению позволяет ему углублять и уточнять представление о самом себе. Этот процесс может продолжаться бесконечно, поскольку познать сущность своего «Я» до конца невозможно.

Образование как самопознание

Есть личности, которым свойственно проблематизировать все, что касается их мнений, желаний и эмоций, а также самим заботиться о своем развитии. Образование опирается именно на эти личностные качества. Можно быть очень сведущим человеком, знать мир и прекрасно в нем ориентироваться. Но если при этом ты не критически к себе относишься и не

умеешь работать над собой, тебя нельзя назвать по-настоящему образованным человеком.

Образование можно рассматривать как самопознание: я могу не просто во что-то верить, чего-то желать или нечто чувствовать, но и задаваться вопросом – почему со мной происходит именно это, в чем причина этих мыслей и переживаний. Когда мы анализируем свои мысли и мнения, возникает знание второго порядка, о котором мы говорили выше. Но теперь я хочу пойти дальше: подумать о своих желаниях и эмоциях. Почему я их испытываю. Что их вызвало и чем они обусловлены. Речь идет о том, чтобы разобраться в своих мыслях, чувствах и желаниях, а не просто пускать их на самотек. Нужно осмыслить свое прошлое и свои представления о будущем, т. е. позаботиться о создании и постоянном уточнении собственного образа. Образованный человек все время спрашивает себя: уверен ли я, что сложившийся у меня мой собственный образ не иллюзорен. Имеем ли мы какой-то особый, привилегированный доступ к самим себе. Открываем ли мы самих себя или изобретаем

Образованный человек – таково мое следующее определение – знает себя и отдает себе отчет в том, как трудно добывается это знание. Он наблюдает свой образ со скептической зоркостью и все время поддерживает его как бы во взвешенном состоянии. Он сознает хрупкое многообразие своего внутреннего мира и не принимает социальную идентичность за подлинную.

Образование как самоопределение

Процесс образования не сводится к самопознанию. Нужно еще уметь оценивать собственные мысли, чувства и желания – с чем-то себя отождествлять, от чего-то отстраняться. В этом и состоит моя душевная целостность. Так мы высекаем для себя самих скульптурный портрет своей души.

По разным причинам я не удовлетворен миром своих мыслей, чувств и желаний: возможно, мне не хватает широты и внутренней гармонии; возможно, я набираю синяки и шишки, сталкиваясь с окружающей действительностью, или чужд самому себе. Поэтому мне необходимо «воспитание чувств» в самом широком смысле слова или, как прекрасно выражались в старину, «воспитание сердца»

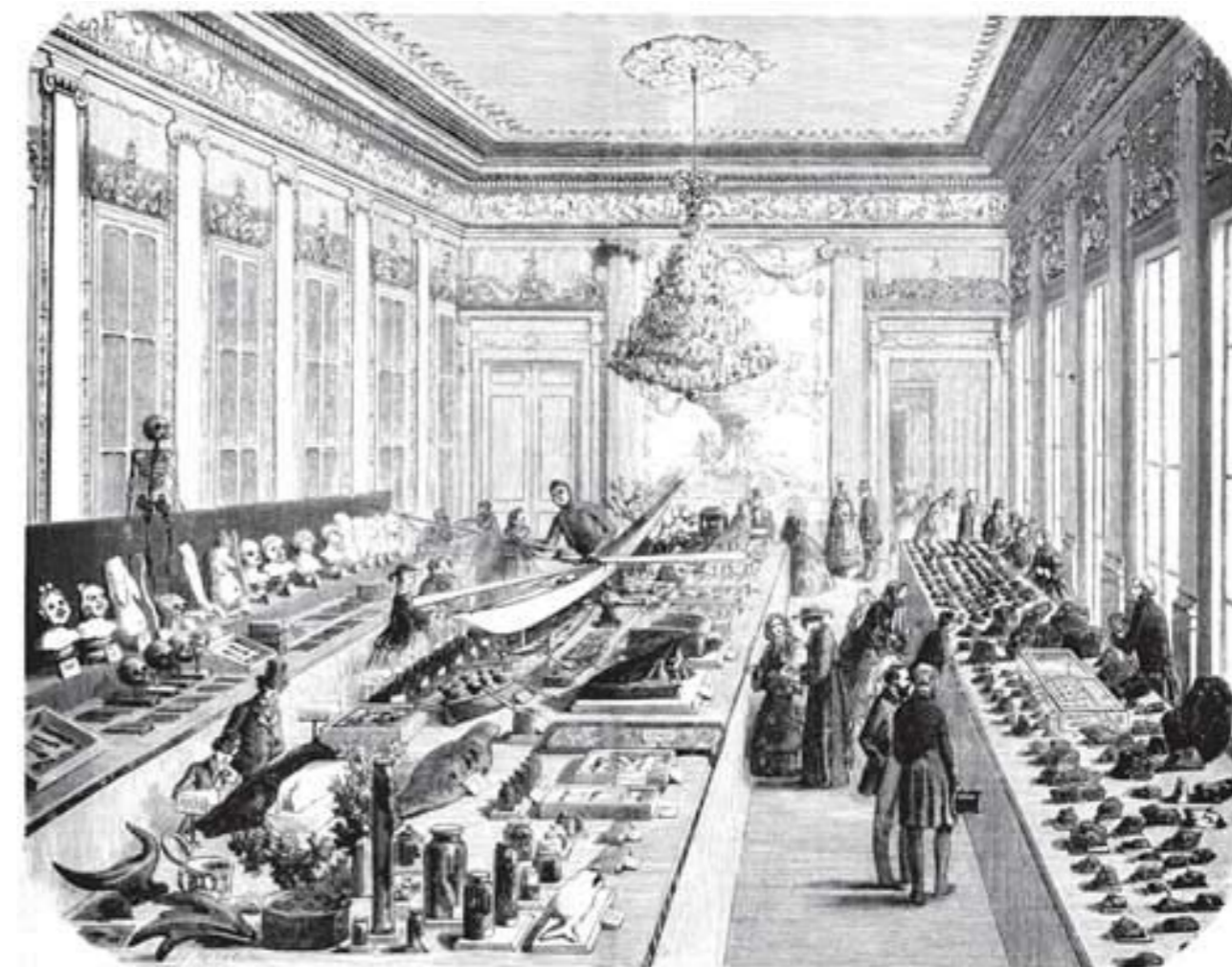
(Herzensbildung): все глубже постигая логику развития моей духовной жизни, я осознаю, что в моих мыслях, желаниях и чувствах нет ничего рокового – они вполне могут быть изменены и улучшены. Я начинаю понимать, что могу определять не только свои поступки, но также желания и чувства. Самоопределение не означает отрешение от мира, замыкание в некой внутренней крепости из боязни пагубных внешних воздействий. Я учусь совсем другому – различать те влияния, что отчуждают меня от самого себя, и те, что меня освобождают, приближая к самому себе. Любая форма психотерапии, которая не сводится к выработке или снятию условных рефлексов, способствует образованию этого рода.

Самоопределение в этом смысле не означает наличия некоего внутреннего пьедестала, сидя на котором я управляю процессами, протекающими в моей душе. Дело в том, что я сам и есть совокупность этих процессов. Слова «я определяю себя» означают лишь то, что наличествует нескончаемая сеть сплетаемых и расплетаемых узлов – эпизодов, состояний и

положений моей душевной жизни, – сеть, тождественная мне самому, и по непрерывно сменяющим друг друга моим собственным наброскам, черновикам и переделкам своего автопортрета я сужу о том, что происходит в моей внутренней жизни. Образованный человек сам определяет образ своей души – тем что неустанно, снова и снова переоценивает себя и готов переносить вырастающую из этого неуверенность в себе. Это и делает его субъектом по преимуществу.

Образование как моральная восприимчивость

Воспитание чувств, воспитание сердца имеют своим результатом и нечто другое – развитие моральной восприимчивости. Осознание того, что собственная культурная личность обусловлена случаем, рождает в человеке терпимость: не просто отчужденное примирение с чуждым, но подлинное, естественное уважение к другим нормам жизни. Не то чтобы это давалось легко. Бывает невыносимо, когда чужак нарушает привычные моральные запреты. Проявление жестокости

Образование – это трудное искусство балансирования между признанием чужого мировосприятия и неукоснительной приверженностью собственной морали.

приводит нас в ярость, но где-то в мире оно может быть абсолютно приемлемо. Образование – это трудное искусство балансирования между признанием чужого мировосприятия и неукоснительной приверженностью собственной морали. Нужно уметь выдерживать это внутреннее напряжение: образование требует бесстрашия.

Мы уже отмечали: чем богаче язык описания эмоций и переживаний, тем тоньше чувствует человек. Тем глубже его отношения с окружающими. Прежде всего, это касается способности посмотреть на мир глазами другого. Она тоже является критерием образованности. Чем образованнее человек, тем лучше он может представить себя в положении другого. Образование развивает в человеке тонкое социальное воображение. Образование позволяет обнаружить скрытые формы давления, выявляет жестокость, которую человек раньше в себе не замечал. В этой своей форме оно служит заслоном от жестокости. Чтобы совершить то, что содеял Гиммлер, надо быть человеком, начисто лишенным фантазии.

Образование как поэзия

Обучение прагматично: человек приобретает знания и умения, чтобы потом чего-то достичь. Образование же – само по себе ценность, и этим оно похоже на любовь. Нельзя утверждать, что образование – это средство достижения счастья: ведь счастье не запланируешь. И, разумеется, так же неверно, что без образования не бывает счастья. Но все же есть счастливые переживания, непосредственно связанные с теми аспектами образования, которые мы описали. Испытываешь радость, если удастся лучше разобраться в каком-то фрагменте действительности, чувство освобождения, когда стряхнешь

Человек образованный вообще болезненно реагирует на многое: его раздражает лживость рекламы и предвыборных кампаний, трескучие фразы и лицемерие всех видов и сортов, выпендренная риторика и насквозь циничная информационная политика военных властей, партийная пропаганда, надутый тон газет, мнящих себя очагами образования.

с себя какой-нибудь тягостный предрассудок, удовольствие при чтении книги, бросающей луч света в глубь истории. Порой бываешь потрясен кинофильмом о совершенно чужой и незнакомой жизни, переживаешь душевный подъем, узнав новые слова, описывающие твой собственный опыт. Мы радостно изумляемся, когда вдруг начинаем лучше понимать себя, бываем окрылены, если удастся бросить накатанную жизненную колею и тем самым убедиться в своей способности к самоопределению. Мы поражаемся, наблюдая, как вместе с обострением нашей нравственной восприимчивости расширяется и наш внутренний мир.

Образование открывает нам новый аспект счастья: яркое постижение жизненного момента через поэзию, живопись, музыку. Свет, исходящий от слов, картин и мелодий, доступен лишь тому, кто видит их роль в том многослойном целом, что зовется человеческой культурой. Тот, кто ощущает крайнюю насыщенность подобных мгновений, никогда не перепутает образование с обучением и не станет разглагольствовать о том, что цель образования – «подготовить себя к будущему».

Образование и темперамент

Образованного человека можно распознать по тому, как резко он реагирует на все, что препятствует его образованию. Реакции его столь остры, поскольку этим бывают затронуты все стороны образования: ориентация в мире, просвещение и самопознание, воображение, самоопределение, искусство, счастье. В отношении тех, кто намеренно воздвигает эти препятствия, невозможно оставаться снисходительным и невозмутимым. Бульварная пресса, помешанная на прибыли, может вызывать в нем только отвращение, поскольку разрушает все, о чем сказано выше. Человек образованный вообще болезненно реагирует на многое: его раздражает лживость рекламы и предвыборных кампаний, трескучие фразы и лицемерие всех видов и сортов, выпендренная риторика и насквозь циничная информационная политика военных властей, партийная пропаганда, надутый тон газет, мнящих себя очагами образования. Образованный человек в каждой мелочи видит проявление большого зла и вспыхивает всякий раз, когда другие это отрицают. Недаром говорят: мелочей не бывает.